

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ альманах

№ **1**

2020

Литтературный альманах

№ I - 2020

Содержание

К читателям	1
ПОЭЗИЯ	
Зоя Кудрявцева	3
Фёдор Согонов	8
Софья Смычагина	12
ПРОЗА	
Вероника Мишина	13
Никита Щетинин	15
Ульяна Григорьева	17
Ульяна Гузун	20
РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ	
Елизавета Черепанова	29
Мария Филиппова	33
Для связи	37

Дорогие читатели!

Перед вами первый номер Литтературного альманаха Гильдии словесников. Две буквы «т» в названии нашего альманаха не случайны. Именно так, с удвоением в этом слове, подчеркивая латинскую этимологию, печатался «СОВРЕМЕННОСТЬ, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Все тексты этого журнала отличало прежде всего высокое художественное качество; таким будет принцип отбора произведений и для нашего альманаха. Первый номер составлен из стихов, прозы и статей, написанных школьниками разного возраста, но все эти произведения, по мнению рецензентов, достойны внимания самых требовательных читателей.

Мы благодарим учителей, приславших столько интересных текстов, - материалы есть на два номера вперед. Мы надеемся, что публикации первого выпуска покажутся интересными и подтолкнут кого-то еще из школьников к литературному творчеству. Мы почти уверены, что через несколько лет произведения наших авторов будут напечатаны на страницах «взрослых» литературных изданий.

Распространять «Литературный альманах» можно бесплатно и свободно в виде PDF-файла. Конечно же, для авторов будет подготовлена и бумажная версия, которую напечатаем небольшим тиражом после завершения карантина. Все расходы, связанные с изданием, обеспечиваются из средств президентского гранта, полученного Гильдией словесников.

ПОЭЗИЯ

Зоя Кудрявцева

Москва, школа № 1514

Мне показалось, что все это было вчера,

А вы говорите, что это случится завтра.

Я вас спросила:

- Кого вы здесь ждете?

- Петра. А вы кого ждете?

И я отвечала:

- Павла.

Мы встретились вдруг на дороге с востока на запад.

Мы вместе сидели, встречая восход и Даная.

Я вас спросила:

- Зачем вам вино здесь?

- Так надо. А вам хлеб зачем?

И я отвечала:

- Не знаю.

Так шли тридцать лет, и снова, как ночь до утра.

И вот наша кровь за долгие годы остыла.

Я вас спросила:

- Когда это было?

- Вчера. А что будет завтра?

И я отвечала:

- Забыла.

Мне гадалка на площади городской
Нагадала не мужа, не дом большой,
Не погост, не дорогу, не век тяжёл,
А сердечну тревогу да лик светёл.
Говорила: “Как сбудется двадцать лет,
Солнце майское в косы вплетёт свой свет,
Ранним утречком с юга стрела блеснет -
И тебя белой горлицей обернёт.
Полетишь ты к далеким, чужим лесам,
Где горчат, как смородина, небеса.
Града стольного крыши и купола
Все от горестей серые, как зола.
Повстречается там тебе молодец:
Меч булатный в руке, на челе венец.
Он с дружиною хаживал на болгар,
И на нем парча красная, что пожар.
Сядешь ты ему, милая, на плечо,
Поцелует и он тебя горячо.
Разойдется как рана в груди твоей,
Хлынет кровь угля белого горячей.
В алом пламени перышки опадут,
И ворота горящие отопрут”.

На ступеньках Айя-Софьи,
Перед плещущей толпой
Ты сидишь, нахмутив брови,
С вечно просящей рукой.
Но бегут, скривившись, люди
Мимо сморщенной руки.
И сверкают перстни, груди,
Ноги, ножны, кушаки.
Были времена иные,
Были пляски у костра.
И гудели мостовые
От утра и до утра.
Ты была тогда моложе
И прекрасна, как заря.
Злато кос на смуглой коже,
Ночь на ложе у царя.
Но - от лодок Финикии
Повернуло солнце вспять.
На кресты и панагии
Серебром упала прядь,
И молитва покидала
Чаще милые уста.
В душном мареве сантала
Улыбался лик Христа.
Отливая темной бронзой,
Ты пришла к стенам своим.
Тень твою точило солнце,
Как однажды - древний Рим.
Так тянулись злые годы,
Годы тертых медяков.
Мимо люди, мимо своды
Износившихся дворцов.
Только раз, сквозь гарь и копоть,
Кто-то руку протянул.
Так погиб Константинополь,
Так рождается Стамбул.

Снег хрустит под ногами, как старый хребет,
И разносится эхо по полю.
То, что пряталось в сумраке сотнями лет,
Из неведенья вышло на волю.
Страшных сказок чудовища и палачи,
Синеглазые демоны ада,
Все по гарду в крови их стальные мечи,
А их лица блее, чем ладан.
Птицы черные стаей над ними кружат,
Предвкушая кровавую пищу.
И как птицы, они к полю брани спешат,
Как добычи, погибели ищут.
Гонит их из далеких, безрадостных мест
Тяжкий голод и бури морские.
Против них что молись, что хватайся за крест -
Не помогут молитвы пустые.
Ляжет в гроб твое тело, отпетое всласть,
И сгниет, воронью не доставшись.
И ему в лучший мир никогда не попасть;
В небеса входят с миром расставшись.
Только этим убийцам в звенящей броне
Мать над люлькой певала иначе:
Им лететь по волнам на своем корабле,
Быть любимцами деве-удаче.
Им в бою побеждать суждено и не раз
Возвращаться с добычею бранной.
Об их подвигах скальдов бродячих рассказ
На пирах будет песней желанной.

А когда им от ран умереть суждено,
Плач по ним диким криком взывается.
Им с богами сражаться и пить заодно -
Так в той песне старинной поется.

Лед на гривах коней, лед в застывших глазах.
Найден брод, и отряд выступает
К тем огням, где не знают про войны и страх,
Где земля таких душ не рождает.
За рекою собачий слышался лай,
В мраке ночи сверкнули кинжалы.
Так вошли в опустевший от холода рай
Бесприютные дети Валгалы.

Фёдор Согонов

Москва, школа «Интеллектуал»

*Этюд («К ***»)*

Не вытравить
Никакими собаками
Из моего
Бедного
Череп застенья
Миг неповторимый,
А потому –
Оплаканный:
Когда впервые
Видел Его лучшее творенье.

Просвечивая
Сквозь налёт недельный
Тоски и
Суеты сует пены,
На небосводе
Моих сновидений
Созвездие тебя
Твоим эхом пело.

Но ветер времени
Бушевал, пока мне
Не забылись и те мечты,
Что заветными были.
И даже ты,
Высеченная на камне,
Укрылась пологом осевшей пыли.

Я помню:
Я пил тишину полною чашей,
Закупоренный стенами и
В замке ключа оборотом.
Потеряв себя
В человеческих категориях чаще,
Я вырвался и проклял
Это болото.

Запустило заново
Души моей шестерёнки,
Как пощёчина
Или удар током,
Проявление Его
Величайшей издёвки –
Тебя,
Будь ты проклята,
Один вид только.

Будет стучать
По рельсам сосудов пульс,
Будут
Ещё что-то значить
Любовь и слёзы,
Только в яму выгребную
Нашего бытия пусть
Он хотя бы такую
Подачку
Бросит.

Бессилье смрадом душу точит –
Задыхаюсь в этом бреде я.
Самое время поставить точку,
Пусть закончится эта комедия.

Размах судьбы моей ни в одну сажень:
Я насекомых масштабов Гамлет.
Вопрос ничтожен, но для меня - так важен
Ответ на него хоть однажды дам ли?

Зря я так долго, может,
Возле него круги наматываю?
Взять бы весь этот образ Божий
И расхристосить оземь асфальтовую.

Бессилья смрад воздух замыл пеленой,
И душа моя им источена.
Я было здесь точку поставил, но
Рука дрогнула. Многоточие.

... Над горами, лесами, долами,
Над пространством, конечным едва ли,
Над благими и злыми делами,
Именами или тем, что ими назвали,
И всем, чему их пока не дали,
Над руинами старых зданий,
Над всеми сторонами медали,
Круговертью депрессий и маний,
И над городами в тумане,
И всем, чего однажды не станет,
Над могилами тех, кто умер,
И домами тех, кто в процессе,
Кажется огромным кому мир,
И кому, кажется, тесен,
Над шумом важных торжеств,
Над обрывками звонких песен,
Над храмами разных божеств,
И кумирами, одетыми в плесень,
Над морями, что щетинят зыбы,
Собирая их в пенные сонмы,
Над всем, что пора бы давно забыть,
И всем, что бы стоило помнить...

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Плюшевый мишка на полке сидит,
Плюшевый мишка на полке грустит.

Спросила его черепаха:

- Что сидишь грустишь? От страха?

- Нееет, я грущу потому,
что я не нравлюсь другу моему...

Но тут его взяли и обняли его,

И мишка от счастья не сказал ничего!

ЛИС-КРИСС

Лис по имени Крисс круглый леденец грыз.

Вдруг лис по имени Крисс почему-то неожиданно скис.

Его спросили: «Крисс, а Крисс, ты почему неожиданно скис?»

И лис ответил грустно: «Да, какой-то леденец был невкусный».

ЛЕНИВЕЦ

Я - ленивец, живу я на ветке,

Очень двигаться я не люблю.

Я не хочу разговаривать с вами,

Лучше, пожалуй, немного посплю.

Сплю я на ветке, удобно мне... Впрочем..

Серьезно! Я спать хочу ОЧЕНЬ!

Вероника Мишина

Москва, школа № 179

Вот здорово было бы...

Вот здорово было бы, если бы у меня был, скажем, дед-историк.

Уже седой, но все еще не утративший какую-то поразительную черту молодости, даже юности. Он бы не носил форменный пиджак, до блеска начищенные туфли и галстук, зато у него была бы резная бамбуковая трость.

Дед, который бы сам ездил на археологические раскопки, просто для ностальгии. Дед, у которого в молодости была своя антикварная лавка, а позже он перевез все в дом, и вот я вижу эти старинные часы, вопреки традициям - без пыли, но сохранившие дух веков.

И у деда были бы старые рукописи и ценные бумаги, затертые до дыр, местами подгоревшие, желтовато-бурого цвета, переходившие по наследству через много поколений.

Библиотека в несколько этажей. Там было бы всё. В смысле совсем всё. Это история на полках.

Многие книги были бы написаны от руки самыми разными людьми - от статс-секретаря императора до купца третьей гильдии. Повсюду были бы вложены листочки, фотографии, заметки... На отдельной полке лежали бы письма с войны. Дед никогда не трогал бы эту полку.

Множество наработок, которые дед писал, пока учился на историческом факультете, а затем - работая деканом этого же факультета. Это его мысли, его огромный опыт. На день рождения дед подарил бы мне свою докторскую диссертацию.

Он бы все рассказывал мне до мельчайших подробностей. Я бы сидела с пледом в загородном домике с видом на сосновый бор и слушала бы. И ни один преподаватель не сравнился бы с ним.

Вот я бы тогда стала чистой воды потомственным историком.

Никто так по-настоящему не расскажет мне о жизни людей в прошлом, как мой несуществующий дед.

Точнее, существующий, конечно. Я люблю своего деда. Он у меня кем только не был. Раз как-то рассказывал, как в колхозах при Хрущёве за кукурузу много платили, а при Брежневе вечера проводили в молчании или в обсуждении погоды - картонные стены осуществляли поставки информации чрезмерно любопытным соседям, а Комитет государственной безопасности СССР не дремлет, между прочим...

Мечтать о предке-историке, конечно, не так уж и вредно. А у меня все по плану - учебники, книжечки, досрочные вступительные...

Практика описания как часть поэтики текста

Он зашел в комнату, когда солнце последними предзакатными лучами освещало книжные полки у левой стены. Старые книги на солнце обретали специальный золотистый оттенок, чуть ворочались в ряду корешками, пытаясь впитать лучей как можно больше, и начинали источать ни с чем не сравнимый аромат осмысленных страниц. Он входит под кожу, бежит по артериям, щекочет самолюбие и разбивает вдребезги сомнения, придает чувство собственной значимости и заставляет отсекаать из круга общения тех, кто этого аромата не знает. Круг избранных...

Рабочий стол старика был расположен идеально, с прямым видом на книги и с боковым – на огромное, в пол, окно. На столе в достаточно странной последовательности расположились всевозможные предметы, которые, казалось, не имеют между собой ничего общего.

К примеру, циркуль, от которого отсвечивала настольная лампа, лежал на миниатюрной венецианской маске. Видимо, она служила источником вдохновения. Под ними виднелся незаконченный проект, от которого пахло вкусным кофе. Точнее, этот запах исходил от стакана, который утром был еще полон. Сейчас в нем виднелась только застывшая кофейная гуща. Кофейный аромат только усиливал атмосферу, уже сформировавшуюся в кабинете.

Отведя взгляд вправо, он увидел томик «Евгения Онегина», открытый на четырнадцатой странице. В нем лежал клочок бумаги, на котором было написано то, что понять сможет только автор этих записей. Единственное, что он смог разобрать, это цифры, в которых, казалось бы, не было никакого смысла: «17, 30, 48, 140, 10, 01, 126, 138, 140, 3, 501». Но все же он достал блокнот и переписал то, что смог разобрать. Далее его взгляд пал на окно, а именно на подоконник, на котором лежал бинокль, похожий на те, что выдают

в театрах. Но представления за окном не наблюдалось, вид из окна открывался не самый хороший, но и не самый плохой.

В окне виднелись кроны деревьев, которые уже погрузились в ночь. Солнце уже село за горизонт, и комната осталась освещена только настольной лампой, стоящей на керамической плитке, которая явно раньше использовалась как химическое оборудование. На ней осталась копоть и след зеленого цвета, образование которого было загадкой. Изучая предметы дальше, он заметил виниловую пластинку «Мелодия». Этикетка на ней уже была состарена временем, так что разобрать название не удалось. Был виден только год выпуска – 1984. С другой стороны стола стояла рамка, в ней красовалось цветное фото, как будто разорванное на две части, на котором была изображена молодая пара. По пейзажу на заднем плане можно было понять, что они стояли на набережной реки Мойки, что в Санкт-Петербурге. Вплотную к фоторамке стояла статуэтка Венеры Милосской, покрывшаяся пылью. Афродита печальным взглядом уже много лет созерцала один и тот же пейзаж. Но она понимала, что украшает этот стол не просто так. Она главный инструмент старика в его творениях. Смотря на нее, он как будто разговаривал с ней, рассуждал на философские темы, а иногда и приходил за советом. Почему он не вытер пыль - очередная загадка.

И наконец, заглянув под стол, он обнаружил металлический контейнер. В таких хранили боеприпасы во времена второй мировой. Крышка от него лежала на полу в полуметре, а сама емкость была наполнена еще более странными предметами, чем те, которые уже лежали на столе...

Чудовище

Опять. На часах ровно десять часов вечера. Да сколько ж можно? Как ей духу хватает?

В моей квартире тихо. Я сплю у той стены, за которой соседи. И каждый вечер, в 10 часов, раздаются крики. Ещё год назад этого не было. Женщина, которую я даже матерью назвать не могу, кричит на ребёнка. Судя по оскорблениям, это мальчик. Я бы сказала, что ему около девяти лет, хотя, не видя и не зная вживую, не могу быть уверенной в этом.

Крики, слёзы, брань - все это не даёт мне спать. Мать кричит, как ненавидит своё отродье, как он испоганил её жизнь. А мальчик порой отвечает что-то, и та орёт громче. Звук швыряемых предметов, которые, возможно, попадают в живое, тёплое тело, рыдания, страшные выкрики. Перед моими глазами мелькают ужасающие картины. У неё лицо красное от злости, у него - от слез. Я вижу его светловолосым. Он сидит на полу, а она стоит у двери. Я хочу помочь, но не могу.

Постепенно все затихает. Только слышны детские всхлипывания. В этот момент я прикладываю ладонь к стене и шепчу: “Держись. Не плачь, потерпи немного. Я с тобой”. Мне так неприятно становлюсь я сама, которая не может взять себя в руки и попытаться что-то изменить.

Не знаю, кто из нас двоих несчастнее в это время: я, которая с горькими слезами слушает это, или он, который живёт с этим чудовищем.

Верб

Сегодня мой день рождения. Я не смогу сказать, сколько мне уже. Не люблю цифры, ими все равно не закрыться от суровой реальности.

Обычное декабрьское утро, ни о каком солнце и речи быть не может. Только серая муть вместо неба. Монотонный звук будильника, как всегда, начал мой день, хотя, казалось бы, выходной. Но надо сходить за цветами, она ждет.

Пока я одевался и шел к лавке, припоминал события давних лет. Не знаю, сколько прошло: три года, пять, больше? Тогда я был совсем юн, любил закатывать веселые вечеринки с девчонками поразвязнее, парнями и, естественно, алкоголем. Каюсь, иногда и не только напитками баловались.

Помню, позвонила Светка, подруга Стаса, моего лучшего друга, сказала - подругу приведет. Я не возражал. Эта подружка пришла в обычном серо-белом свитере и черных лосинах. На скромно улыбающемся лице светились два изумруда глаз. Такие яркие, чистые.

- Вера, это Сережа, - представила ее Света. - Сережа, это Вера.

Я навсегда запомнил эти тонкие изящные пальцы и почти невесомую ладонь. За праздник мы разговорились, оказалось, она приехала из области лишь из-за предложения подруги. Мы смеялись, болтали, жаловались на власть, ничего особенного. Однако я попросил ее номер после вечеринки. Улыбаясь, она написала мне его на руке черной ручкой.

Я проводил ее до двери подъезда. Ветки вербы упирались в окна консьержа и под порывами ветра хлестали стекло.

- Люблю вербу по весне, - произнесла девушка. - На ней распускаются пушистики, которых мы с мамой называли зайчиками.

Нам пришлось проститься. В моем доме еще сидели гости, а это меня как хозяина обязывало присутствовать в квартире.

Мы созванивались, переписывались в соцсетях, встречались в столице, дома, у нее в небольшом городишке. Это время я помню чуть ли не как самое счастливое в жизни.

Продавщица смотрит на меня, спрашивает, сколько цветов нужно. Я отвечаю, голос мой дрожит. Казалось бы, не первый раз так, а все еще не привык. Да и нельзя к такому привыкнуть. Женщина молча берет розы. Две. Отдав деньги, я разворачиваюсь и ухожу. Мне нужен определенный автобус.

Трясаясь в душном салоне, я мысленно ухожу в прошлое. Опять мой день рождения. Вера сказала, что может опоздать, не успевает на электричку. Я отвечаю: ничего, все в норме.

В сети можно прочитать такие истории, где перед трагедией вянут цветы, сходят с ума животные, рождается плохое предчувствие или еще чего. Только у меня такого не было. Я жарил курицу, когда услышал звук телефона. На экране высветилось такое знакомое, родное имя. Взял трубку, услышал, что она успела на нужную. Но тут масло ошпарило ногу, я чертыхнулся и, быстро объяснив ситуацию Вере, сбросил. Больше мы не говорили.

Весь день я ждал ее. Конечно, если она успела, то не должна была опаздывать. Дальше память услужливо затемнила все происходящее после сокрушительной новости. Что-то произошло на железнодорожных путях с электричеством, все загорелось и взорвалось.

Не то чтобы я сильно винил себя в ее смерти. Скорее, мне плохо оттого, что я сказал ей при последнем разговоре: “Я занят, готовлю, пока”.

Теперь снова стою тут, смотрю на ее черно-белую фотографию, с которой Вера, улыбаясь, глядит на меня своими изумрудными глазами.

Рядом с моим домом растет верба. Та самая. И она распускалась каждый год в декабре, после ее смерти. Да, это звучит невозможно с точки зрения науки. Однако это так.

Сценарий короткометражного фильма «Ради кино»

Интерьер. Лестничная площадка. День.

Молодая женщина (30-35) выходит из квартиры и закрывает дверь на ключ. Напротив неё стоит юноша (15-16), которого она не замечает. Он немного взволнован. Он тихонько подходит сзади и ждёт. Женщина разворачивается и скидывает руки от неожиданности. Парень хватается сумку и пытается с ней убежать. Женщина изо всех сил тянет сумку к себе, издавая звуки, отдалённо напоминающие крик. Она наносит сильный удар кулаком прямо в висок парня. Тот сразу хватается за голову. Он, немного шатаясь, подходит к стене и опирается рукой. Женщина стремительно направляется к лестнице и сбегает вниз. Она бежит, иногда поднимая голову вверх. Все это время доносятся стоны. Она замедляет шаг, а потом останавливается. Она выглядывает в пролёт наверх, какое-то время нерешительно топчется на месте и тяжело дышит, а потом поднимается обратно. На лице у неё угадывается тень досады и злости. Парень сидит на полу, облокотившись на стену. Он закрыл голову руками, а лицо уткнул в колени. Женщина поднимается и подходит к юноше. Теперь она может его разглядеть. Это ещё своём мальчишка. Он одет в старый поношенный спортивный костюм, его кроссовки прожили больше лет на свете, чем сам парень, волосы сильно взъерошены. Она тяжело вздыхает, собирается с мыслями.

Женщина:

- Я тебя сейчас поведу в травмпункт, а оттуда сразу же в участок. Вставай!

Она произносит это строгим голосом и повелительно протягивает ему руку. Парень никак на это не реагирует. Она

повторяет последнюю фразу ещё строже. Он недоверчиво смотрит на неё, отворачивается и резко встаёт. Сразу за этим следует громкий крик, и парень опять упирается в стену.

Женщина:

- Так. (*Немного протянуто.*) Пойдёшь со мной под руку. И только попробуй у меня убежать.

Она угрожающе трясёт пальцем в воздухе. Женщина подходит к мальчику, берет его под плечо, как раненого солдата. Они направляются к лифту.

Интерьер. Лифт.

Женщина уверенно смотрит прямо перед собой и крепко держит юношу. У парня обиженно надуты щеки, а взгляд устремлён в пол. Он явно испытывает стыд.

Натура. Улица в спальном районе. День.

Они идут совсем не быстро. Парень иногда корчит гримасы от боли на лице и держится за голову. Женщина очень сильно негодует. Она злится, но не очень понятно, на кого или за что.

Женщина:

- Вот зачем? Ты мне скажи просто, зачем так делать?

Парень молчит и смотрит в сторону.

Женщина:

- Неужели настолько скучно живётся, что надо надо обязательно найти себе приключения на ж...

Она резко обрывает фразу и тяжело вздыхает. Парень молчит, но спустя какое-то время отвечает.

Мальчик:

- Не от скуки.

Женщина:

- А зачем же тогда?

Мальчик:

- Деньги нужны.

Из женщины вырывается что-то наподобие смешка. Она внимательно смотрит на парня и чуть спокойнее интересуется.

Женщина:

- А деньги тебе зачем нужны были?

Мальчик:

- Много зачем.

Он произносит это с явным раздражением и, немного осмелев, продолжает.

Мальчик:

- Чё за допрос вы мне устроили?

Ща в участок придём, там и порешаем.

Вы мне уже и так нормально вмазали.

После этих слов женщина открывает рот от возмущения. Она испытает недоумение и злость. Поджав губы, она сильнее хватается парня и чуть ли не бежит вперёд по дороге.

Натура. Другой спальный двор. День.

Они проходят мимо лавочки. Женщина приближается к ней. Парень садится на одну сторону, а женщина на другую. Она пытается отдышаться и закрывает глаза. Юноша прикрыл лицо

одной рукой, другую положил на колени и нервно царапает большим пальцем указательный. Через пару минут женщина поворачивается к мальчику и внимательно на него смотрит, чуть прищурив глаза. Спокойным и тихим голосом она интересуется...

Женщина:

- Что родители скажут?

Мальчик:

- Им всё равно.

Он бубнит это себе под нос. Ему не очень хочется это говорить.

Мальчик:

- Они даже не узнают. А вот бабушка расстроится и ругаться будет. *(Пауза.)* Наверное. Но не сильно, она не может сильно.

Женщина внимательно слушает парня.

Женщина:

- Сколько тебе лет?

Мальчик:

- Пятнадцать.

Женщина:

- Зачем тебе деньги нужны были?

Мальчик:

- В кино хотел сходить.

Женщина:

- Так сильно хотел?

Мальчик:

- Да. Очень. Я все книги прочёл, а сейчас фильм вышел.

Женщина:

- А воровать-то зачем? Можно было б...

Парень резко её обрывает и очень твёрдо произносит.

Мальчик:

- Нельзя.

При этом он резко поворачивает голову в сторону женщины и смотрит ей прямо в глаза. Она впервые увидела его взгляд. Такие обиженные и грустные глаза. Возникает ощущение, что они принадлежат восьмидесятилетнему старику, который прошёл через целую гору испытаний и хранит все эти воспоминания на самой поверхности. Женщина отворачивается и осматривает улицу. Юноша снова опускает взгляд. С досадой в голосе он продолжает.

Мальчик:

- Вы меня не поймете, что бы я ни сказал. Вы живёте, и всё у вас есть. И деньги, и телевизор, и вещи всякие. Конечно, вы вся такая воспитанная. Отчего же тут не быть правильной?

Он проговаривает это с такой твердостью, будто бы он всю жизнь это наизусть заучивал. Проходит несколько секунд, и он подмечает.

Мальчик:

- Вы даже “жопа” сказать не можете.

Эти слова прозвучали с такой неожиданностью, что женщина вслух рассмеялась. Она повернулась к парню и уставилась в землю.

Женщина:

- Жо-па.

Она произнесла это слово медленно и с оттенком задумчивости. Потом посмотрела на парня с улыбкой. Он повернулся тоже к ней и невольно улыбнулся. Она отводит взгляд в сторону и вздыхает.

Женщина:

- Ты прав. Есть у меня вещи всякие,
но не решает это практически ничего.
И никакая я не правильная.

Она задумчиво опустила взгляд на руки, и улыбка медленно сползла с её лица, потом она встала и протянула руку.

Женщина:

- Пойдём.

Мальчик взял её под руку, и они ушли. Скамейка опустела.

Натура. Крыльцо травмпункта. День.

Они медленно спускаются по ступенькам. Парень идёт чуть сзади. Женщина немного к нему поворачивается.

Женщина:

- Видишь, даже сотрясения нет.

Она осматривается по сторонам, затем поднимает руку и указывает направление.

Женщина:

- Участок там.

Они поворачивают.

Натура. Улица города. Ранний вечер.

Они медленно идут и смотрят по сторонам.

Женщина:

- Ты кого-нибудь до этого грабил?

Парень стремительно поворачивает голову к женщине и очень громко и немного отчаянно произносит.

Мальчик:

- Нет. Честно.

Выдержав небольшую паузу, он опять отворачивается и немного стыдливо говорит.

Мальчик:

- Всегда надо играть честно, если все козыри у тебя на руках.

Женщина:

- Это кто сказал?

Мальчик:

- Уайльд.

Женщина:

- Чего же ты сегодня Уайльда не послушал?

Мальчик:

(вздыхает)

- В кино хотел.

Женщина:

- Зато честно.

Она ухмыляется и немного качает головой.

Натура. Перед полицейским участком. Ранний вечер.

Женщина рассматривает участок. Парень стоит рядом с опущенным взглядом. Он рисует одной ногой полукруги на асфальте. Она поворачивается к мальчику.

Женщина:

- Идём.

Она берёт его под руку и направляется в обход здания. Они идут по узкой тропинке и оказываются перед площадкой торгового центра. Вокруг прогуливается много людей. Они входят внутрь.

Интерьер. Кассы кинотеатра.

Мальчик и женщина стоят у кассы. Камера расположена далеко от них. Она что-то объясняет кассиру, потом спрашивает у парня. Они берут билеты и уходят. Камера остаётся на одном месте. Чёрный экран. Начинает играть песня “На Тихорецкую...”.

Натура. Площадка перед торговым центром. Вечер.

Они выходят из торгового центра и идут сквозь толпу. Тёплый вечер, вокруг горят фонари, люди заполняют пространство. Камера вылавливает наших героев. Они активно что-то обсуждают и смеются. Мальчик энергично жестикулирует и что-то объясняет. Женщина внимательно слушает и улыбается. Так они уходят и растворяются в толпе.

Конец.

РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ

Елизавета Черепанова

Москва, школа № 1533

Что меня поразило в характере и судьбе А.С. Грибоедова

*А мне приснилось: миром правит любовь,
А мне приснилось: миром правит мечта.
И над этим прекрасно горит звезда,
Я проснулся и понял - беда.*

Виктор Цой

Для меня удивителен уже сам факт существования Грибоедова. Меня поражает, что возможен человек, невозможно одарённый, невозможно упорный в своих стремлениях и вместе с тем невозможно благородный и отзывчивый, способный к состраданию и совершенно лишённый самовлюблённости. Гений, который может совладать со своей гениальностью.

Любому занятию, за которое он брался, будь то самообразование, изучение языков, служение государству или литература, Грибоедов посвящал себя, отдавал свою душу. Просто душа у него была бесконечная, необыкновенная, очень хрупкая и потому закованная в броню из язвительности. Изящную, красивую броню.

Очень сильное впечатление на меня производит его характер, его «пламенная страсть к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным»; его уверенность в том, что все девушки – глупые и пустые существа, его непоколебимая верность друзьям и отчаянная верность государству, его убеждение в том, что он виноват в смерти друга, и в том, что должен распрощаться со своей легкомысленной молодостью навсегда... А когда Грибоедов, спустя несколько лет, снова встретился с Нино, разве сомневался он в своих чувствах хоть секунду?

Меня приводит в отчаяние то, как мало было дано Грибоедову времени для любви и для поэзии. Гораздо меньше, чем он этого хотел и чем он этого заслуживал. Эта ужасная несправедливость мучает меня, и, если бы я могла отдать ему дни моей жизни, которые я потратила достаточно бессмысленно и праздно, чтобы он провёл их с Нино, я бы сделала это, не задумываясь.

История трагической любви Нины Чавчавадзе и Александра Сергеевича Грибоедова, как мне кажется, не может оставить равнодушным никого. Когда я думаю о том, что они прожили вместе всего несколько недель после свадьбы, моё сердце сжимается. Смогла бы я выдержать подобную разлуку? Боюсь отвечать на этот вопрос. Боюсь сравнивать себя с Грибоедовым, а когда всё же делаю это, мне становится невыносимо стыдно.

Ужасным кажется мне то, каким образом узнаёт Нина Александровна о смерти мужа. И грустным, но прекрасным – как проживает она дальше свою жизнь. “Два горя: горе от любви и горе от ума”.

Я не уверена, что понимаю, почему из нескольких вариантов названия для своей комедии Александр Сергеевич Грибоедов выбрал именно “Горе от ума”. Но именно это название – ёмкое и саркастичное – подходит к жизни самого автора. Жизни, полной невероятных событий и неожиданных поворотов. И, как эпилог, недоверчивая улыбка. “Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно”.

С фактами не поспоришь. Вазир-Мухтар погиб в неравном бою, был изрублен и затоптан. Обезумевшие от злобы люди проволокли его тело по всему городу и бросили в ров. А Николай I “предал вечному забвению злополучное тегеранское дело” в обмен на дорогие подарки.

И всё-таки, когда мы признаём свои ошибки, когда всеми силами пытаемся их исправить, когда помогаем просто потому, что можем, когда не избегаем ответственности, когда выполняем свой долг, несмотря ни на что, когда не боимся говорить слова любви и нежности...

Вот тогда Грибоедов жив. И он улыбается.

*Горе ты мое от ума,
Не печалься, гляди веселей.
И я вернусь домой
Со щитом, а может быть, на щите,
В серебре, а может быть, в нищете,
Но как можно скорей.*

**Сравнение переводов «Стансов к Августе» Байрона
Б. Л. Пастернаком и В. В. Левиком**

Перед началом работы каждый переводчик (как пишет В. Беньямин в «Задаче переводчика»¹) неизбежно сталкивается с дилеммой: должен ли перевод как можно точнее соответствовать оригиналу, пытаюсь совпадать с ним слово в слово, или же главная задача перевода - передать настроение (смысл) исходного текста. В наибольшей мере эта дилемма встает перед переводчиком стихов. Ведь именно в стихах настроение и чувства так же (если не более) важны для понимания произведения, как и смысл. И разумеется, каждый переводчик, берясь за работу, старается найти золотую середину между этими двумя крайностями, но удаётся это далеко не всегда. Так или иначе, даже если переводчик не озадачивает себя таким выбором, перевод зачастую оказывается либо на «буквальной» стороне этой дилеммы, либо вольным, сохраняющим нюансы настроения (неизбежно жертвующим в пользу него «буквальностью»). Однако и строго односторонний, точный, перевод требует невероятного поэтического мастерства. Если поэт берётся за буквальный перевод, то он должен как можно точнее соблюсти все формальные признаки стихотворения и использовать как можно более близкую к оригиналу лексику. С вольным переводом, направленным на передачу чувств и эмоций, дело обстоит сложнее, ведь в этом случае переводчик должен уловить то настроение, которое старался вызвать автор, и суметь его передать.

1 В. Беньямин. Задача переводчика / Озарения. М.: Мартис, 2000.

Примером явного предпочтения чувства и смысла буквальному переложению “Стансов к Августе” можно считать “Новые стансы к Августе” И. Бродского. Конечно, их вообще нельзя назвать переводом, но все же, если Бродский использовал это название, то он, несомненно, отсылал читателя к “старым” “Стансам к Августе” Байрона. Не вдаваясь в глубокие герменевтические рассуждения, произведение Бродского можно считать по меньшей мере реминисценцией заданной Байроном темы и/или эмоционального настроения. Однако в этой работе я буду сравнивать переводы Б. Пастернака и В. Левики, стремившихся, скорее, к чему-то среднему между буквальным и вольным.

Итак, если переводчик стихов должен сам быть поэтом, то и тот, кто переводы стихов сравнивает, очевидно, должен быть поэтом вдвойне. Поэтому, берясь за сравнение, доверимся поэту Николаю Гумилеву и его «девяти заповедям для переводчика», а именно: переводя стихотворение, «обязательно соблюдать: 1) число строк, 2) метр и размер, 3) чередование рифм, 4) характер enjambement², 5) характер рифм, 6) характер словаря, 7) тип сравнений, 8) особые приемы, 9) переходы тона»³.

По числу строк оба перевода в точности следуют за оригиналом: шесть октав, всего — сорок восемь строк. Оригинал написан трехстопным анапестом. Оба перевода — так же. Рифмовка — двойная перекрестная (abab cdcd) с женским окончанием — как в оригинале, так и в обоих переводах. Наибольшую формальную сложность представляет четвертая, кульминационная, октава, в

2 Здесь - перенос предложения с одной строки на другую.

3 Н. Гумилёв. О стихотворных переводах / Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилёва. – Петербург: «Всемирная литература», 1919.

которой каждая строка (кроме последней) начинается с одного и того же слова (Though), а рифма максимально сконцентрирована на самом авторе (все нечетные строки заканчиваются «те», рифмовка получает форму ababacac). Это соответствует предназначению собственно стансов — в стансах поэт активнее постигает самого себя, а не адресата стихотворения. Эту особенность формы байроновских стансов не удалось передать ни одному из переводчиков. У Пастернака лишь отчасти передана эта форма (все строчки четвертой октавы начинаются с «Ты»); у Левика нет и попытки следовать этой форме, таким образом, кульминация оказывается упущена. Ни один из переводчиков не воспользовался и приемом enjambement (у Байрона — в третьей октаве, soul is deliver'd | To pain), который усиливает ощущение этой «боли»; боль не появляется в обоих переводах вообще. Поскольку станса — это замкнутая строфа, в которой представлена одна мысль, один образ, то она требует некоторого раздумья, она не продолжается в следующей строфе; новая станса - новая мысль, которая оспаривает или развивает предыдущую. И так, постепенно, через несколько строф, уточняющих авторскую мысль, мы приходим к итоговой идее. В этом смысле перевод Пастернака более точно, чем перевод Левика, (лексически в том числе) передает образы Байрона: «природа» у Байрона и Пастернака vs «цветы» у Левика; «воюют» vs «ссорится»; «твердыня» vs «корабль»; «деревцо» vs «звезда»; «одиночество» vs «пустыня» и др. Одно из основополагающих для Байрона (как романтика) понятий “борьбы одного против всех”, означающего, что воинственный романтический герой противопоставлен всему миру, в переводе Левика совсем теряет свой смысл за словами “преследуют все одного”, которые означают, скорее, изгоя, подавляемого обществом. До некоторой

степени удивительно, что перевод Пастернака оказывается гораздо ближе к написанному Байроном, ведь в других его переводах можно отчётливо видеть мысль и видение самого Пастернака-поэта, иногда явно отличающиеся от текста и замысла оригинала.

Однако и в этом переводе Пастернака есть смысловые/стилистические «прорехи» — начало третьей октавы:

И хоть рухнула счастья твердыня

И обломки надежды на дне,

Все равно: и в тоске и унынье

Не бывать их невольником мне.

Непонятно, чьим невольником. Может быть, обломков? Или тоски и унынья? У Байрона - это та самая боль, место которой, надо полагать, у Пастернака занимают тоска и унынье, а у Левика - пытки.

Итог, к которому подводит Байрон читателя в “Стансах к Августе”, очевиден: единственной женщиной, которая его понимала и искренне сострадала ему, была его сводная сестра. Стансы, ей посвященные, строятся на антитезе другой женщине, ставшей ему не просто чужой, но враждебной. Стансы заканчиваются октавой, в которой подводится некий жизненный итог, или урок: поражение станет торжеством. Это завершение - урок, а не утешение (как у Левика) - ярче и точнее у Пастернака.

Таким образом, если попытаться расположить оба перевода между двумя полюсами дилеммы, то перевод Пастернака оказывается все же ближе к «золотой середине», а перевод Левика вообще с трудом вписывается в этот континуум (он и лексически далек от оригинала, и по смыслу – передан «не тот смысл и не теми словами»).

Для связи

В этом году Гильдия словесников планирует выпустить еще два номера «Литературного альманаха». Мы будем рады, если наши читатели поделятся своими впечатлениями от произведений, опубликованных в первом номере, а также пришлют замечания, которые обязательно будут учтены при подготовке следующих номеров. Будет здорово, если во втором номере получится собрать специальный раздел рецензий на уже опубликованные тексты.

В основном второй и третий номера уже сформированы, но мы продолжаем принимать стихи, рассказы и статьи в надежде на интересные тексты, для которых всегда найдется место.

Присылайте!

Наш адрес - almanah@slovesnik.org

Рецензенты -

А.П. Власова-Мрдуляш,

Н.А. Ладохина,

А.А. Скулачев.

Составитель - Б.А. Панов.

